

НЕТ МАЛЯКИ БЕЗ КАЛЯКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Daleko Niral

Нет маляки, без каляки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72286927

SelfPub; 2025

Аннотация

«Нет маляки, без каляки» – философская сказка для взрослых, абсурдная аллегория взросления, где истина прячется в детских рисунках, а каждый мазок может стать выстрелом.

Ёксель Моксель и Шняга. Он – мальчик с синим гаражом в сердце. Она – девочка, забывшая, как звучит скрипка. Вместе они карают искусство, сжигают прошлое, выкорчёвывают смыслы под фанфары нового Бога – Бога Двенадцати Смыслов, мерзкой псевдосушности с волчьче-кошачей пастью и гнилыми шутками.

Это повесть о любви, мести, деменции, искусстве и фальшивых богах.

О том, что настоящие чувства не лечатся присоской.

О том, что иногда, чтобы родился Новый Бог, достаточно одного ребёнка с фломастером.

Читателю выдается кисточка, револьвер и ответственность за последствия.

Содержание

Нет маляки, без каляки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Daleko Niral

Нет маляки, без каляки

Двое маленьких чудиков-детишек, что искали новое искусство, собрали титаническую коллекцию томов мировой литературы в одну большую кучу. Сегодня для них умрёт былое и воскреснет новое. Девочка по имени Шняга, в огромном чёрном платье из целлофанового пакета, держала в руках дешёвую жёлтую зажигалку. На широком овальном лбу у неё красовалась повязка с надписью: "Убей в себе искусство". За повязкой палочками торчали бенгальские огни, казалось, на голове у неё чугунные штыри, что исходят из черепа.

– Сегодня знаменательный день для новых людей, знаменательный день для нового искусства, – провозгласила девочка. – В этот день мы провожаем в последний путь старую литературу и провозглашаем новую. Из сажи мы создадим то, чего никогда не было и не будет. Ибо у нас не будет никаких идеалов, некому будет подражать. Мы уничтожим конструкции и структуры. Мы ломаем стены, чтобы построить новые, без оглядки на старые, шершавые. Мы не разрушаем – мы возрождаем. Мы – Новые творцы. Мы те, кто создаст Нового Бога Смыслов! Да будет так! Аминька.

Этот манифест нового искусства слушал щуплый зелёноволосый мальчишка по имени Ёксель, что носил фамилию

Моксель.

– Аминька, – кивнул Ёксель Моксель.

Шняга подняла палку-копалку, обмотала её марлей и подожгла фиолетовый спиральный огонь освобождения от всех конструкторов и структур.

Фиолетовое пламя глотало клишированные фразы и обложки. Ему было фиолетово, чью литературу пожирать – классицизм или постмодерн. Оно забрало все существующие тропы, изгнало тысячелетнего героя за грань бытия. В глазах Ёкселя ярким пламенем пылало прошлое.

Когда книги догорели, наступила ночь, набитая розовыми звёздами.

Наследники нового искусства пляшут босыми пятками по тлеющей пыли, по горелым словам, и мыслям. Ох, какие изумительные движения, какая грация! Горячие останки щипали ступни, но ребятам было всё равно. Не было ничего лучше, чем колотить прошлое ногами.

Вот они взялись за руки и закружились юлой в особом, ни на что не похожем танце. Бенгальские огни искрились на голове Шняги, как первый массивный сугроб на свету.

Счастье продлилось недолго. На территорию свалки пришёл хозяин кучки – говорящий полненький грибочек с пушистой бородой в клетчатом костюме.

– Что вы наделали, чудища! – Грибок упал в ужасе от осознания убийства классической литературы.

Пляска убийц закончилась тем, что мальчик отлетел в

сторону. Голова Ёкселя закружилась от кручёного танца, из желудка просилась грибная похлёбка. Он поскользнулся на чёрной, недогоревшей странице книги Алексея Сергеевича Пунькина "Дмитрий Анюгин". На странице была строчка: "Всё те же мы? Не заменили нас?". Ёксель упал, целуя тухлый грунт.

– Мы создаём новое искусство! Рожаем нового Бога! – воскликнула Шняга.

– Вы украли и сожгли большую часть книг из библиотеки!

– Как ты нас выследил, структурный человек?! – продолжила Шняга.

– Вы по пути столько книг обронили. Дорожку из шедевров! Дорогие издания! Вы хоть знаете, сколько добра вы сожгли?!

– Видимо, брать дырявую тележку было не лучшей идеей... Плевать. Так или иначе, мы сожгли прошлое, а не добро!

Гриб скривил лицо и молча направился в сторону Шняги. Ёксель только пришёл в сознание и ещё не осознавал, к чему ведёт этот конфликт.

Шняга достала из-за спины эксклюзивное прижизненное издание Н.Н. Моголя, а затем подожгла жёлтую зажигалку.

– Не подходи, ходячая структура!

– Ты хоть знаешь, что у тебя в руках?! Прижизненное издание мэтра комедии и ужасов! Убери свою драную зажигалку от книги!

– Эй, Шняга, может, отдашь ему книжку? Этот гриб настроен очень серьёзно...

– Отдать книгу – значит сдаться. А если мы хоть немного сдадимся – не ведать нам нового искусства. Не ведать нам будущего! Не ведать нам нового Бога!

– Отдай книгу, – строго молвил грибок.

– Шняга, лучше отдай ему, – заскулил Ёксель.

Шняга подпалила корешок книги. Гриб-библиотекарь не выдержал и отчаянно бросился на неё. Ёксель подбежал на помощь, но гриб грубо вцепился ему в плечо своими зубами, отчего тот упал и у него пошла пена из глаз. Гриб поднял Ёкселя, как борец на спарринге, и кинул в сторону. Мальчик плюхнулся на ненавистный тухлый грунт, поцарапав ладони.

Тем временем прижизненное издание вспыхнуло впечатляющим факелом.

– Ты заплатишь за Моголя! Убью! Убивать буду гада!

Шнягу не напугали угрозы. Она выбросила горящий обрубок в бесформенную чёрную гору, что раньше называлась книгами.

Как рысь, девочка метнулась на гриб, повалив его на землю. Она дико грызла его голову-шляпку. Гриб пытался скинуть её, шипел, барахтался, скулил. Ёксель, с пеной у глаз, смотрел на эту жуткую битву за смысл искусства. Гриб умолял о пощаде и звал на помощь:

– О, Мицелий! Помоги мне!

Шняга продолжала с хищным оскалом грызть бедолагу.

Её пираньи зубы откусили достаточно шляпки, чтобы гриб перестал шевелиться.

С неба на Ёксея смотрели розовые звёзды. Кажется, они улыбались и специально жгли глаза до слёз. Мальчик закрыл лицо руками.

Нет маляки, без каляки

Розовый свет фонарика тревожил глаза в пене. На бежевой кушетке лежал повзрослевший Ёксель с длинными зелёными волосами и щетиной на лице. На его голове – присоска со шлангом, ведущим к мясорубке. Первое, что увидел Ёксель, – человека с длинными синими волосами и глазами цвета ореха кешью. Человек осматривал зрачки Ёкселя.

– Ау, ты слышишь? Как самочувствие?

– С-сойдёт. Голова побаливает...

– А, это нормально.

Стены состояли из голубых плиток. На одной из них висел плакат с человечком, у которого огромный рот. Тот запикивал в себя ведро чернил. Надпись сверху: «Мы – то, что мы едим». На полу – красный кафель, залитый жирным жиром. Доктор выключила розовый фонарик и присела на табуретку. Она была в халате, напоминающем одновременно и костюм врача, и повара. В кабинете стояла кухонная гарнитура: духовка, раковина, белый холодильник.

– Вы уже съели? Ну... эту часть?

– О, да! Весьма интересная интерпретация прошлых дней.

Только концовка жуткая.

– Уже не помню, какая там концовка.

– Вот, а это уже хорошо! Почему у тебя люди – грибы?

– Я ненавижу грибы. Они состоят из частей, структур. Весьма одинаковых и противных.

Док скривила хитрую моську. Ёксель отодрал присоску со своей головы. От неё тянулся шланг к мясорубке. На его лбу и рядом с ним ратянулись красные полосы. Он снова присел на кушетку.

– Док, что там было жуткого?

– Отношение Шняги к людям. Но не беспокойся: часть того, что я вижу, – всего лишь твоё переосмысление прошлых событий, перемешанное с бурной фантазией. Несколько человек могут по-разному интерпретировать одну и ту же сцену. Эти интерпретации рождаются из чувств и эмоций, пережитых тогда. Это я к чему? Короче, возможно, та Шняга, которую вижу я, – это лишь отражение твоего подсознания. В твоём восприятии она – почти психопат-убийца.

– Давайте поскорее избавимся от неё.

– Не переживай. Ещё пара трапез – и она покинет твой разум. Мы прошли половину пути. Осталось самое вкусное. Готов продолжить курс терапии?

– Да. Избавимся от Шняги...

– Вспомни ещё один эпизод, связанный с ней.

– Помню, мы как-то отправились в галерею, чтобы...

– Нет! Не так! Метод ассоциации! Забыл?

– Ладно-ладно... Сейчас...

Ёксель закрыл глаза и начал бубнить себе под нос:

– Галерея. Очки. Огнемёт. Жареные грибы.

Док вскочила со стула, включила конфорку и достала из шкафа чугунную сковородку.

– Отлично! Продолжай в том же духе.

– Рамки. Полотна. Грязь. Мазня. Каракули. Каляка-маляка... Огонь. Огонь в голове. Сжечь, сжечь в голове...

Док уложила Ёкселя на кушетку и снова нацепила на его голову присоску со шлангом. Она лихо нажимала разноцветные кнопки на панели управления мясорубки. Затем надела поварской колпак, взялась за ручку мясорубки и начала медленно прокручивать, выдавливая из шланга разноцветный фарш прошлого. Ёксель съёжился и утонул в пучине своего разума.

Когда крутить стало почти невозможно, Док остановилась. Затем она подбежала к плите, проверила мизинцем температуру сковородки. Убедившись, что она достаточно горячая, налила на неё рыжее масло.

У Ёкселя полилась пена из глаз. Док протёрла ему веки, натянула чёрные перчатки, собрала фарш из мясорубки и слепила из него котлету. С резким движением она бросила её в кипящее масло. Котлетка зашипела, задергалась от жара. Доктор возбуждённо переворачивала горящее воспоминание до полной прожарки.

***

Разноцветная дымка от готовой котлеты расчесала ноздри Дока. Воспоминания покрылись хрустящей, ярко-кислотной корочкой.

– Ого, какой ароматище! Там точно что-то интересное.

Она положила котлету на красный хлеб, сверху – обычную капусту. Достала из холодильника разноцветный соус и залила им всё. Затем взяла сушёные мухоморы. Крышей бургера стала красная, изюмная булка. Из всех этих ингредиентов она собрала сочный, психоделический бургер прошлого.

Док облизала пышные губы и съела бургер за один укус. Лицо её обогрело красным. Глаза закатились от удовольствия – и перед ней встала картина.

Буквально – картина современного искусства.

Разноцветные пятна, сжатые оттенки, дерзкие линии, схлопнувшиеся формы – всё вместе складывалось в нечто необъяснимое и живое.

– Вот видишь, Ёксель, эти люди отказались от прошлого – и вот к чему это их привело. К «Каляке-Маляке»! – провозгласила Шняга.

Ёксель прикусил губу. Он боялся сказать, что эта картина ему понравилась. Пёстрая, заляпанная цветами – но живая.

– Разве это искусство? Я отвергаю такое искусство! – воскликнула Шняга.

На лицах подростков – чёрные очки, не дававшие в полной мере разглядеть полотно. Они пошли дальше, в соседний зал.

Там висел обычный, ничем не примечательный пейзаж: дом в лесу. Картина называлась «Сосновый лес». Написана в 1898 году.

– Разве это искусство? Смотри, что раньше считали искусством: обычную действительность! Обычный дом! Дом! Нет ничего интересного в доме! И вообще... Эти дома... Я их всех ненавижу! Стоит подумать о доме – и вспоминаешь то, что вспоминать не хочется!

Ёксель прикусил верхнюю губу. Ему понравился этот деревянный домик. Особенно – дятел на крыше.

Но он не решался сказать Шняге.

– Искусство не спасти. Нам нужно выйти из этой серой действительности! Ёксель, ты готов?

– Вроде... да. А ты?

У него внезапно зачесалась шея и подбородок. Вот он чешет и чешет, но чесотка не уходит.

– Я всегда готова!

Шняга вытащила из сумки рыжий огнемёт и направила его на «Сосновый лес».

– Давай, Ёксель! Зажжём новую веху в искусстве!

Фонтан огня обрушился на то, что было картиной. То, что было искусством.

Пламя скользило по стенам, пожирая экспонаты один за другим. Смерть художественного началась со смерти «Соснового дома». Следом погибла «Каляка-Маляка». Современное, прошлое, будущее – всё сгорело в сочном пламени. Бедные грибы пытались затушить галерею своими ножками, топча тлеющие полотна. Запах жареных грибов ударил в нос и вернул Дока в настоящее.

– Да... жуткая у тебя подружка. Неудивительно, что из-за неё ты теперь совершенно не можешь смотреть на искусство.

– Какой эпизод с Шнягой вы съели на этот раз?

– Какой надо. Думаю, раз ты пришёл в себя – стоит продолжать. У меня жутко разыгрался аппетит.

– Какой теперь по хронологии фрагмент вы хотите попробовать?

– Давай-ка съедим десерт. Помнишь, как вы с ней познакомились?

– Конечно. Этот день я не забуду никогда.

– Тогда сделаем так, чтобы ты его забыл. Ложись на кушетку!

Док прицепила к голове Ёкселя присоску и переподключила шланг – теперь от мясорубки к измельчителю зерна.

– Давай, ассоциации с этим днём.

– Унижение. Грибы смеются. Гараж.

– Ага, продолжай!

Доктор тыкает на кнопки измельчителя в хаотичном порядке. В итоге измельчитель не вынес натиска, поддался и запищал.

– Дробовик. Бог. Смысл.

– Ого, мука будет высшего сорта!

– Сказка. Мотивация. И...

– И?..

– Друг.

У Дока потекли слюнки, зачесались ладошки и поднялось

артериальное давление.

– Приступаем к готовке!

Глаза Ёкселя вновь заплыли мутной пеной. Док с лёгкостью вращала измельчитель. Разноцветные полосы, что раньше были фаршем, теперь становились зерном – и перемалывались в яркую, разноцветно-галлюциногенную муку. Она набрала муку в сито и просеяла её от естественного восприятия мира. В муке осталась лишь вздорное воображение, что будет придавать десерту особое бредовое послевкусие. Повар бросила в миску всё, что нужно для хорошего торта: рыбий жир, яйца, белладонну, дрожжи, какао, колу. Замесила и засунула тесто в печь.

Через несколько минут на столе стоял жутко вкусный "Красный бархат".

Док, не режа – заглотила торт. Её передёрнуло. Она пошатнулась и рухнула на жирный кафель, прямо в глубины воспоминаний.

По улице бежала чихуахуа в виде грибочка-опёнка. В небе жёлтой кляксой растеклось солнце. Зелёные листья были плотно приклеены к веткам деревьев. Где-то за ржавыми гаражами Гриб Рыжик, Гриб Лисичка и Гриб Еловик Жёлтый смеялись над рисунком Ёкселя Мокселя.

– Ха-ха! Какой уродливый пейзаж! – заржал Гриб Рыжик.

– Да, он определённо из прошлого века, – подтвердила Гриб Лисичка.

– Что ты нарисовал?! – гаркнул Рыжик.

– Гараж!

В это время Гриб Еловик Жёлтый осуждающе смотрел на рисунок Ёкселя. Сам рисунок представлял собой незаконченный набросок синего гаража. Мальчик старался с предельной точностью передать это скособоченное здание.

– Кому сейчас нужны пейзажи? А? Кому они сдались?!

– Мне...

В ответ Еловик щёлкнул затвором фотоаппарата.

– Вот, смотри. Я сделал пейзаж за одну секунду, – промолвил он тягучим голосом.

На фото – тот самый синий гараж.

– Это не пейзаж!

– А чё это тогда?

– Фото! Чтобы написать пейзаж, вы должны переосмыслить его через себя! Только тогда он станет искусством!

– Нет, пацанчик, ты живёшь в прошлом. Сейчас модно рисовать минимализм и супрематизм, пацанчик.

– Это не искусство!

– Слышь, чё сказал?! – запищала Лисичка. – Сейчас я нарисую твой гараж!

– Н-е-е-е-т! Это мой гараж! Я его рисую!

– Поздно, дуралей!

Лисичка достала графический планшет и, дёргаными движениями, стала рисовать. В итоге у неё получился синий квадрат с прямоугольничком-дверью.

– Вот, смотри на моё искусство! Минимализм правит ми-

ром!

Ёксель рухнул на сухой гравий. Ладони – в крови, губа – прикушена до синяка.

– Вы... вы изверги...

Горячие слёзы мальчика упали на гравий, словно не слёзы – а тяжёлые перья.

– Нет, мы – художники, – заключили грибы.

– **ЧЕГО?!** – прогремел внезапный крик.

На крыше гаража стояла маленькая Шняга в синем целлофановом платье. В руках у неё был дробовик.

– **РАЗВЕ ЭТО ИСКУССТВО?!**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.